

Ян Рамсес

**«Рубиновая
руна:
Магический
нуар»**

Ян Рамсес

**«Рубиновая руна:
Магический нуар»**

«Автор»

2026

Рамсес Я.

«Рубиновая руна: Магический нуар» / Я. Рамсес — «Автор»,
2026

В Эфириуме магия — не чудо, а ресурс. Верхние уровни тонут в белом свете порядка, нижние дышат ядовитым туманом. Виктор Лермонтов, аудитор магических рисков, верит формулам и протоколам. Но на заводе «Гелиос-семь» он находит тело рабочего с выжженными глазами и рубиновую руна — знак, который десять лет назад стоял над смертью его наставника. Руна указывает не на убийцу. Она указывает на Виктора. Ему мешает и помогает Кира Вольская — оперативница, использующая запрещённую кровную магию и ненавидящая корпорацию. Для него она хаос, для неё он — часть системы, отнявшей у неё брата. Чем глубже они входят в дело, тем яснее: смерть на заводе — лишь первая нить заговора «Эгиды». Чтобы выжить, им придётся довериться друг другу. Иначе рубиновая руна станет приговором.

© Рамсес Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ян Рамсес

«Рубиновая руна: Магический нуар»

Глава 1

ГЛАВА 1: РУБИНОВАЯ РУНА

Дождь в Нижнем Секторе всегда пах озоном и медью — побочный эффект работы эфирных заводов, которые никогда не спали, никогда не отдыхали, никогда не знали пощады. Капли, падая с неба, не были прозрачными: в них растворялся эфирный шлак, тот самый ядовитый туман, что стекал с верхних уровней города, где маги высшего сорта выжигали из своего пространства любой намёк на хаос, любую тень, любой беспорядок. И всё это — вся эта грязь, вся эта отработанная магия — оседало здесь, внизу, превращая воздух в густую, светящуюся субстанцию, которую приходилось вдыхать тем, у кого не было денег, чтобы жить выше.

Виктор Лермонтов смотрел в окно чёрного корпоративного автомобиля, как этот светящийся дождь чертил на стекле узоры, похожие на руны. Капли стекали медленно, лениво, как будто им было тяжело двигаться в этом густом, токсичном воздухе. Они оставляли за собой следы — тонкие, светящиеся линии, которые медленно гасли, но не исчезали полностью, а оставались на стекле, как призрачные воспоминания о том, что когда-то здесь была вода.

Его отражение в окне было безупречным: тёмный костюм, идеально уложенные волосы, серебряные запонки, которые слабо поблёскивали в полумраке салона. Лицо — спокойное, почти каменное. Только глаза выдавали внутреннее напряжение: серо-стальные, холодные, они скользили по проплывающим мимо улицам с профессиональной отстранённостью человека, который видел слишком много чужих смертей и научился не смотреть на них слишком долго, чтобы не сойти с ума.

Но сегодня что-то было не так. Сегодня его глаза не могли оторваться от окна, от этого светящегося дождя, от этого города, который он одновременно любил и ненавидел, которому он служил и который его использовал.

— Мистер Лермонтов, мы почти на месте, — голос водителя, молодого парня в форменной кепке, прозвучал слишком громко в тишине салона, как будто он боялся, что Виктор не услышит его, или, может быть, боялся этой тишины сам.

Виктор кивнул, не поворачивая головы. Он не хотел говорить. Он хотел думать. Он хотел понять, почему его — старшего аудитора Департамента Безопасности, человека, который расследовал дела, связанные с утечками запрещённой магии, с корпоративным шпионажем, с убийствами, замаскированными под несчастные случаи, — отправили на обычное дело об "несчастном случае" на эфирном заводе. Таких дел в месяц случались десятки. Обычно на них отправляли молодых аудиторов, неопытных, тех, кого нужно было "обкатать", дать им почувствовать себя важными, дать им поверить, что они делают что-то значимое.

Но сегодня вызов получил лично он.

Почему?

Виктор достал из внутреннего кармана пиджака часы — не обычные, а артефакт. Они были сделаны из серебра и эфирного кристалла, и их циферблат показывал не время, а уровень магического фона в текущей локации. Стрелка дрожала на отметке "высокий". Это было ожидаемо: эфирные заводы — места, где магия текла рекой, где её перерабатывали, очищали, превращали в товар. И где иногда случались "несчастные случаи".

Он убрал часы и достал планшет с делом. На экране — краткая сводка: "Гелиос-7", нижний уровень, цех переработки эфирного шлака. Рабочий найден мёртвым в 03:47. Предварительная причина смерти: магическое истощение. Стандартный случай. Таких на заводах случались десятки в месяц — магия требовала жертв, и корпорация "Эфириум" предпочитала не афишировать эту простую истину. Они называли это "несчастными случаями", "производственными травмами", "непредвиденными обстоятельствами". Но Виктор знал правду: магия убивала людей так же верно, как яд, как пуля, как нож. Разница была только в том, что магия оставляла меньше улик.

Но что-то в этом деле было не так. Виктор почувствовал это ещё в офисе, когда ему передали вызов. Что-то в тоне диспетчера, в том, как она произнесла адрес, в том, как она избегала смотреть ему в глаза. Она знала что-то, чего не должна была знать. Или, может быть, она просто боялась. Но чего?

Виктор отложил планшет и посмотрел на свою левую руку. Под манжетой рубашки, на внутренней стороне предплечья, прятался шрам — неровный, красноватый, похожий на застывшую молнию. Он получил его десять лет назад, в день, когда нашёл тело своего наставника, Аркадия Северова. Официальная версия: несчастный случай, утечка магии. Неофициальная... Виктор до сих пор не знал неофициальной версии. Но шрам остался — напоминание о том, что магия не прощает ошибок. И о том, что некоторые дела никогда не закрываются по-настоящему.

Он провёл пальцем по шраму, чувствуя, как тот слегка пульсирует — слабое, почти незаметное ощущение, как будто под кожей билось второе сердце. Это был побочный эффект магического ожога — шрам реагировал на изменения магического фона, как барометр реагировал на изменения давления. И сейчас он пульсировал сильнее, чем обычно.

Что-то было не так.

Автомобиль резко затормозил, и Виктор чуть не уронил планшет. Его тело подалось вперёд, но он тут же выпрямился, восстанавливая контроль. Он не любил терять контроль. Никогда.

Они прибыли.

Эфирный завод "Гелиос-7" возвышался перед ним, как гигантский металлический зверь, дымящийся в ночном небе. Он был огромным — таким огромным, что его верхние этажи терялись в облаках, и только трубы, толщиной с многоэтажный дом, напоминали о том, что это здание, а не гора. Трубы извергали в воздух клубы светящегося тумана — синего, зелёного, красного. Это были отходы переработки: то, что осталось после того, как "чистая" магия была извлечена из сырого эфира. Туман оседал на стенах завода, на земле, на лицах рабочих, которые спешили домой после смены. Все они носили маски — простые, тканевые, сшитыми

рунами фильтрации. Без маски в Нижнем Секторе можно было прожить месяц, два, но потом лёгкие начинали отказывать, и ты становился зависимым от переработанного шлака, который корпорация продавала как "лекарство"

Виктор посмотрел на рабочих. Они шли медленно, с опущенными головами, как будто несли на плечах невидимый груз. Их лица были скрыты масками, но Виктор видел их глаза — усталые, пустые, лишённые надежды. Это были глаза людей, которые знали, что никогда не выберутся отсюда, что никогда не увидят чистого света верхних уровней, что никогда не будут жить так, как живут те, кто стоит выше их на иерархической лестнице корпорации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.